

Виктория
ВИШНЕВСКАЯ

РАЗВОД

Я хочу стать мамой

Виктория Вишневская

Развод. Я хочу стать мамой

<https://litres.ru/74214623>

Аннотация

Вторая часть - – Зачем тебе бездетная жена? Это она про меня?.. Вглядываюсь в кабинет через узкую щель. Моя сестра висит у мужа на шее, а он крепко держит её за плечи. – Она ведь пустышка. А я рожу тебе столько мальчиков, сколько захочешь. Разведись с ней. – Уходи, – чеканит сдержанно муж. – Не уйду, – упрямо шепчет она, сильнее впиваясь пальцами в его шею. – Ты должен сделать выбор. Либо я, либо она. И если ты не можешь... Я тебе помогу. И она узнает, что её любящий, верный муж ей изменил... Изменил? Пока я ломалась от боли, не в силах забеременеть, он всё это время крутил за моей спиной с моей же сестрой? Вот почему она появилась в момент моего отчаяния. Вот почему решила помочь нам. – У меня и фотографии имеются. Показать ей? Лена резко подаётся вперёд и прижимается к его губам. Внутри всё замирает. Рушится. Ноги подкашиваются, я хватаюсь за косяк. Меня ведёт вперёд, дверь распахивается от моего плеча, и я оказываюсь в кабинете — ловлю их с поличным. Их глаза расширяются, а у меня из рук выпадает тест на беременность с двумя долгожданными полосками.

Диалогия!

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Арина	8
Глава 2. Август	18
Глава 3. Арина	25
Глава 4. Арина	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Пролог

Я готова визжать от радости. Но лишь прикрываю рот ладонью и едва не плачу, глядя на тест с двумя яркими полосками. Две! Настоящие!

Столько лет попыток впустую, проваленное ЭКО — и вот оно, чудо. Наше маленькое чудо, о котором мы с мужем мечтали ночами.

Надо скорее рассказать любимому! Неважно, что страшное ещё впереди, но...

Мы смогли!

Я вылетаю из ванной пулей, босые пятки шлёпают по прохладному полу. Несусь по коридору, но тут же сбавляю шаг, почти рефлекторно прижимая ладонь к ещё плоскому животу. Теперь я не одна. Теперь нужно быть аккуратнее. Чтобы несчастье не повторилось.

Иду уже спокойнее, но всё так же бодро, сердце гремит, как барабан.

Подхожу к кабинету мужа, уже готовлюсь радостно крикнуть, даже не думая, что отвлекаю Августа от работы. Он привык к моим налётам счастья.

Открываю рот, чтобы окликнуть, но имя застревает в горле. Я замираю на пороге: дверь приоткрыта — и это не то, что меня останавливает. Я слышу голос своей сестры. Той самой, что решила помочь нам с Августом справиться с на-

шей бедой.

– Зачем тебе бездетная жена?

Это она про меня?..

Делаю тяжёлый шаг в сторону и вглядываюсь в узкую щёлку. Лена висит у Августа на шее, а он крепко держит её за плечи — будто то ли отталкивает, то ли удерживает.

– Арина ведь пустышка. А я рожу тебе столько мальчиков, сколько захочешь. Только скажи.

Ком поднимается к горлу, сердце ухает в пятки. Не может быть. Не может быть!

Она сейчас клеится к моему мужу и говорит про меня гадости? Но почему Август не оттолкнёт её? Не одёрнет? Не осадит? Он ведь не предал меня? Не разлюбил? Почему он молчит?!

– Разводись, – твёрдо повторяет сестра.

– Уходи, – чеканит сдержанно муж. – Ты несёшь ахинею.

– Не уйду, – упрямо шепчет она, сильнее впиваясь пальцами в его шею. – Ты должен сделать выбор. Либо я, либо она. И если ты не можешь... Я тебе помогу. И она узнает, что её любящий, верный муж ей изменил...

Всё вокруг меркнет, звуки будто пропадают.

Изменил? С ней?

Пока я ломалась от боли, не в силах забеременеть, он всё это время крутил за моей спиной с моей же сестрой? Вот почему она появилась в момент моего отчаяния. Вот почему решила помочь нам.

Это была не доброта. А расчётливый план...

— У меня и фотографии имеются. Показать ей?

— Ты что, дура, ещё и сохранила это? Удаляй. Сейчас же.

Лена резко подаётся вперёд и прижимается к его губам.

Внутри всё замирает. Рушится. Трещит, как хрупкое стекло.

Ноги подкашиваются, я хватаюсь за косяк. Меня ведёт вперёд, дверь распахивается от моего плеча, и я оказываюсь в кабинете — ловлю их с поличным.

Их глаза расширяются, а у меня из рук выпадает тест. Он падает на ковёр, и две мои яркие полоски смотрят на меня с пола, как две тонкие раны.

И тут знакомая боль сворачивает живот в узел. По ногам что-то тёплое течёт, липкое, и я судорожно шепчу себе под нос, понимая, что это.

— Нет... нет... пожалуйста, нет... — шепчу себе под нос, забывая о двух предателях передо мной.

Я не выдержу это второй раз. Не смогу. Но на моих домашних шортах расплзается красное пятно, как клякса, всё шире и шире.

— Арина? — зовёт меня муж. Предатель.

Голос глухой, будто через воду. Но мне сейчас не до него. Не до кого. Моё собственное тело снова меня предаёт.

Я хватаюсь за живот, сползаю вниз по холодной стене. Колени подламываются, в ушах гул, в горле горячий ком. Как-то отчаянно пытаюсь схватить тест, будто от него зависит моя жизнь. Будто он спасёт моего ребёнка.

Моё только что найденное счастье тает, истекает из меня, исчезает, уходит — и я ничего не могу сделать, ничего...

Глава 1. Арина

Арина. Пять лет назад

– Ты написала заявление в полицию? – раздаётся встревоженный голос подруги в динамике.

– Да, – лепечу, озираясь по сторонам. Телефон скользит в мокрой ладони, губа пульсирует.

– И где ты сейчас? К папе поедешь?

К отцу нельзя. Он увидит мою разбитую губу, синяки на животе и шее. Будет переживать. А хуже всего – сорвётся, рванёт к Кириллу и, не дай бог, грохнет его из охотничьего ружья. Не хочу, чтобы папу посадили из-за какого-то мудака.

Нет, до вчерашнего вечера Кирилл был нормальным. Полгода – всё гладко. А потом... срыв.

После которого он сегодня утром спокойно встал и ушёл на работу. Ни извинений, ничего.

Но даже если бы ползал у ног – не простила бы.

Поднял руку раз – поднимет и второй.

Теперь мне нужно забрать у него ключи. И поехать к подруге в общагу, пока всё не уляжется.

– Можно к тебе?

– Уф-ф, у нас коменда лютая, ты же знаешь. Я попробую переговорить, может, войдёт в наше положение.

– Спасибо, – выдыхаю и слабо улыбаюсь, хотя внутри трясёт.

Осталось решить несколько проблем. Вот почему сейчас направляюсь к зданию администрации, на работу к уроду.

Издалека вижу Кирилла. Вот тебе и первая любовь, увлечённость. Козёл в чистом виде. Стоит, как ни в чём не бывало, и ждёт, будто точно знал, где я пройду. Ну да, мой универ рядом, но на парах я сегодня не была.

Неужели он думал, что после такого у меня будут силы идти на учебу?

– Всё, перезвоню, – шепчу, отключаясь. Целеустремленно направляюсь к парню.

Может, стоило просто исчезнуть, больше не видеться с ним, но у нас есть незаконченные дела.

Увидев меня, Шевченко улыбается, распахивает руки, будто сейчас обнимет. От вида его ладоней меня бросает в дрожь.

Я делаю шаг назад и протягиваю свою ладонь.

– Ключи от квартиры.

Мы живём на съёме – у меня. И раньше я думала, что это нормально, но до вчерашнего вечера. Да я для него просто вещь. Захотел – избил. Захотел – выкинул.

Да только я выкину его раньше.

– Ариш, ну не дуйся, – включает милый тон. Не пробивает. Я не из тех, кто прощает мудаков. – Я вчера перегнул, но ты сама...

– Ключи, – говорю жёстче, непоколебимо глядя на него.

И вот тут из него опять черти полезли. Хмурится, шагает

ближе.

— Что, ударишь на людях? — усмехаюсь, угадывая его мотив. Он только хватает меня за запястье и дёргает на себя. Взгляд падает на мою шею, где синюшные отпечатки его пальцев. — Давай. Одно заявление в полиции уже лежит. Второе хочешь?

— Ты написала на меня заяву? — глаза у него становятся круглыми, как у рыбы.

— Для государственного служащего, который по карьерной лестнице карабкается, кайфовая перспектива, да? — улыбаюсь уголком губ, чувствуя маленькое сладкое удовлетворение. — побои сняты, отпечатки тоже. Так что если хочешь разойтись мирно — просто отдай ключи от квартиры.

Мне нужно вернуть ключи хозяйке. А потом съеду. Так намного надежнее.

Он вдруг хватает меня за шею. Я машинально вытягиваю её, словно черепаха, зная — среди прохожих он ничего мне не сделает. Хотя... ему, похоже, плевать на чужие взгляды.

— Что ты такая противная? — шипит сквозь зубы и слегка сжимает. Всё равно больно — вчерашние синяки ноют, как старые, капризные. — Ты же сама виновата. Была бы поотзывчивее — я бы тебя не ударил. А ты язык за зубами не держала, и...

— Что здесь происходит? — раздаётся стальной голос, и сбоку будто вырастает скала. Мы одновременно оборачиваемся. Перед нами — мужчина: высокий, широкоплечий,

взгляд холодный, расчётливый. И весь этот ледяной взгляд сейчас вонзается в Кирилла. — Шевченко, объяснись.

— Да всё в порядке, Август Викторович, — Кирилл отшатывается от меня, как от кипятка. Он искренне пугается, завидев мужчину.

— Август? — шепчу, не веря. Разве это не замминистра? И не босс Шевченко? Он. Точно он. Я столько раз слышала, как мой бывший ругался на него и искал способ подлизаться, что выучила это имя наизусть.

— Это моя девушка, — лепечет Кирилл, уже путаясь в словах. — Она... ну... чуть-чуть извращенка, знаете ли. Пришли, попросила схватить её за шею, и...

Интересно, поверит?..

Конечно. Мужики как всегда выходят сухими из воды.

— Хватит, — обрывает Август. Его взгляд скользит по моему лицу, задерживается на шее и — зачем-то ниже, будто там что-то найдёт. А найдёт, если задрать майку.

Только подумав об этом, внутри всё болезненно сжимается. Я хватаюсь за живот, стискиваю ткань футболки — губы сами кривятся.

— Кажется, вы переборщили со своими игрищами, — голос мужчины становится жёстче. — Девушке нужна медицинская помощь.

— Да ничего ей не надо, — Кирилл снова лезет, хватая меня за запястье. Я дёргаюсь, пытаюсь вывернуться.

— Отпусти, придурок, — шиплю на него.

— Отпустите, Шевченко, — гулко приказывает тот же голос. На секунду я благодарна ему — он не отворачивается, не бросает меня.

И ведь этот прихвостень слушается, пугливо пятясь назад.
— Я уйду. Отдай только ключи, — выдавливаю, мечтая поскорее закончить этот цирк.

Кирилл мнётся. Не знает, как выкрутиться. Понимает, в каком свете стоит перед своим боссом. А мне его ни капли не жалко. Ни грамма.

— Поторопитесь, у меня мало времени, — спокойно проносит Август Викторович и бросает взгляд на часы. — Мне нет дела до ваших семейных разборок, но это происходит перед зданием администрации. Быстрее.

Шевченко нехотя суёт мне в ладонь связку ключей. Металл холодит, как лёд.

— Вот и решили. Как тебя зовут? — это уже мне.

— Арина, — выпаливает язык раньше головы.

— Пойдём, — кивает он в сторону стоянки. — Отвезу тебя в больницу.

Город вокруг гудит, как улей; люди смотрят и отворачиваются.

Я бы хотела отказать, доехать сама, но... Внутри и правда что-то болит.

Делаю шаг в сторону, за мужчиной. Пока не знаю, поеду ли с ним, но поблагодарить за помощь стоит. И уйду, ощущая взгляд бывшего парня на своей спине.

Чувствую, так просто это не закончится...

Домой сегодня точно нельзя. Нельзя-нельзя. Надо где-то переждать, переночевать, пока Кирилл не утихнет и полиция не возьмётся за дело.

Мы доходим до какой-то крутой тачки — зеркальная, чёрная, как ласточка. Мне, будущему учителю начальных классов, о такой только мечтать.

— Садитесь, — кивает он на пассажирское сиденье, открывая свою дверь.

— Спасибо за помощь, но дальше я сама, — привычно упрямлюсь. Раньше и так было тяжело принимать чужую помощь, а теперь ещё сильнее. Во всём ищу зло. Даже сейчас.

— Садитесь, — чеканит уже злее и твёрже. — Не хочется быть как ваш парень, поэтому прошу по-хорошему.

Это он так просит?

— Отвезу в больницу. Ничего более.

— Зачем вам эти заморочки, замминистр?

— Ненавижу эту грязь, — морщится, снова смотрит на мою шею, где по-прежнему горит кожа. — Читайте, хочу исправить косяки своих сотрудников. Только больница. Никаких расспросов, ничего личного.

Нельзя доверять мужикам. Нельзя-никак. Кирилл тоже сначала был хорошим. Прямо принц на картонном коне. Правда, меня всё время что-то тихо тянуло за рукав и шептало: люблю ли я его? Правильно ли, что я с ним?

Я вздыхаю — и отчего-то решаюсь довериться ещё раз. В

больницу и правда надо.

Сажусь. Достаяю телефон. Знаю, что с моей позиции это нагло, но...

— Я включу запись нашего разговора, — говорю. Больших шишек надо бояться ещё сильнее. Они безбашеннее. знают, что им всё простительно, пока не доказано обратное.

— Делай, что хочешь, — усмехается он, заводя мотор. Такой самоуверенный.

Не думала, что увижу его вживую. Только слышала о нём и только гадости. Фамилия... какая у него там? Пятницкий, кажется. А имя у него странное... Август.

— Когда это произошло? — вдруг спрашивает он на повороте. Сразу понимаю о чем он — моё избиение.

— А вроде говорили, без расспросов... — кусаю губу и тут же шиплю, закусив ранку.

— Точно, — будто вспоминает. — Не хочешь — не отвечай. Но после подобного — он будет уволен.

Ого. Такого эффекта я не ожидала. Даже не знаю, что делаю больше — радуюсь или волнуюсь. Потому что весь гнев потом он может выплеснуть на меня.

— Вы даже не знаете, что произошло. Может, я и правда извращенка? — бросаю глупо. Пытаюсь понять этого человека. Какие цели он преследует.

— Извращения не отшатываются при виде рук, — ровно отвечает. — Я невольно стал свидетелем с самого начала.

Я отворачиваюсь к окну. На секунду становится стыдно.

Посторонние люди видели это, наблюдали – чем же закончится.

— Извините, — почти шепчу.

— Ты же не виновата, — опять стойко звучит.

— Как считает он — очень даже виновата, — хмыкаю, пряча дрожь за смешком.

— Молчи лучше. Слишком много говоришь и вызываешь вопросы. А мне нельзя их задавать.

Из горла вылетает лёгкий смешок. Поворачиваюсь к нему. Август. Забавное имя, всё-таки.

— У вас случайно брата Февраля нет?

— Есть младший братец Май, — усмехается.

Я округляю глаза. Серьёзно?

— Женат, — добавляет сухо.

— Да мне неважно, — фыркаю. Но факт смешной. Будь у них сестра, как бы её звали? Октябринка? Рубрика «странные вопросы в самый неподходящий момент» продолжается.

Мы проезжаем остановку.

— Можете высадить меня здесь, — показываю на знак. — Сяду на метро, доеду за десять минут.

— Я же сказал, что довезу, — упрямо перебивает меня, будто реально чувствуя вину за то, что натворил его сотрудник.

— Вы же спешили, — напоминаю, хоть и приятно, что кто-то не бросает на полдороги. Мне бы научиться не дёргаться от каждого резкого звука. И верить понемножку. Хотя

бы до ближайшей больницы.

– Спешил. Хотел отвезти вас в больницу. Вы побои сняли?

На последнем вопросе ещё сильнее сжимает руль. Замечаю это непроизвольно.

– Сняла. И заявление в полицию написала, – отвечаю тихо, будто боюсь спугнуть собственную смелость.

– Удивительно... Обычно женщины молчат о таком.

Дуры потому что.

– У вас был такой опыт? – напрягаюсь, сжимаю сумку так, что белеют пальцы.

– Упаси господь. Он только бил? Не изнасиловал? – голос у него глухой, злой не на меня, а куда-то мимо.

– А вы говорили, что вопросов не будет...

– Чёрт, – выдыхает он и отворачивается на секунду, как будто стыдно за вопрос. Я вдруг ловлю себя на улыбке: от этого становится легче. Он не выглядит злодеем. И хоть дружить я с ним не собираюсь, можно ведь чуть-чуть приоткрыть душу перед незнакомцем?

– Вчера он пришёл злой. Хотел секса, а я не дала. Поэтому и избил.

Машина резко останавливается. Чего это он? Замечаю, как впереди загорается красный.

– Серьёзно?! – выпаливает с эмоциями. Громко так, будто искренне удивлён.

– Вот до чего доводят ваши проблемы на работе, – шучу без злобы, криво.

– Поверить не могу, что рядом со мной работают такие ублюдки, – чеканит он, взгляд не отрывает от дороги. Я вздыхаю и отворачиваюсь к окну: там живой город, люди, у которых сегодня обычный день. У меня – нет.

После этого мы почти не говорим. Максимум, что он спрашивает: не дует ли мне и не мешает ли музыка.

Через пятнадцать минут мы доезжаем до больницы. Я выхожу, благодарю его ещё раз за помощь и спешу к огромному зданию.

И я понимаю, что с этим мужчиной мы больше не увидимся.

Глава 2. Август

— Где-где ты? — переспрашивает брат.

— В больнице, — бурчу, перекидывая телефон из руки в руку. Ожидание хуже всего.

— Ты это сейчас решил отмазаться от знакомства с моей ненаглядной, да? — моментально видит подвох Май, аж слышу, как он ухмыляется.

— Нет. Просто не могу её бросить, — ловлю себя на том, что чуть-чуть волнуюсь.

Казалось бы – с чего это?

— На ужин ты не придёшь?

— Нет, давай в другой раз.

Не велика потеря – это уже третья или четвёртая девушка, с которой знакомит нас Май. Бабник мелкий. Уже бьёт мои рекорды.

— Ну и не надо. Сам всё съем. А ты локти кусай, что Ленкину еду не попробовал. Хотя... может, тебе и повезло, готовит она так себе.

Закатываю глаза. Младшие братья все такие противные или это мой особенный экземпляр?

— Надеюсь хоть в постели хороша, – подтруниваю над мелким.

— А как же. Зачем мне ещё с ней встречаться, раз она готовить не умеет? — хохочет там.

— И с какой по счёту ты меня уже знакомишь? С четвёртой?

— Ну блин, я пока не нашёл ту самую. Может, Лена — моя судьба?

— Ага, как же, — фыркаю.

— Мне норм, надо всё пробовать, пока молодой. Ладно, если по-серьёзному... давай. Удачи тебе там с твоей незнакомкой.

— Пока, болван, — отрезаю, но без злости. Скорее устало.

Отключаюсь и смотрю на наручные часы. Стрелка ползёт, будто издевается. В машине сидеть уже устал, вышел на улицу. Курил бы — было бы проще. Но я такой гадостью не занимаюсь.

Надо было её в платную клинику везти, а не в этот больничный комплекс. За деньги всё сделали бы быстрее, и не пришлось бы два часа торчать в машине, считать ступеньки, ведущие к входу.

И опять вопрос — почему я ещё здесь?

Вина? Я не должен её чувствовать. Не должен.

Сочувствие? Скорее всего. Оно давит на грудь, как чужая рука.

При виде синяков на её шее внутри что-то щёлкнуло. Громко. Я всегда презирал мужиков, которые поднимают руку на женщин. П

апаша мой тоже был такой — тяжёлый, злой. Бывало, матери прилетало. Хорошо хоть ушёл раньше, чем всё перешло

в настоящее, дикое насилие.

А здесь — вот оно, рядом. Синие отпечатки на тонкой коже, страх в глазах.

И какая тупая причина? Отказ в сексе.

Любишь — подождёшь. Потерпишь. Поймёшь. А не будешь избивать любимую.

И это отродье ещё на меня работало. Ходило возле меня, шило хвостом, каждое утро кофе приносило, улыбалось. Не удивлюсь, если ещё и плевал туда, думая, что никто не заметит.

Я стискиваю зубы так, что хрустит челюсть. Хочется выбить кулаком вмятину в машине.

Вдыхаю, выдыхаю. Считаю до десяти. До двадцати. Не помогает. Смотрю на двери, откуда выходят люди, но не Арина.

Уже успел отзвониться помощнику: пусть проверит этого ублюдка. Найдёт косяки — любые, договорённости, превышение полномочий. А потом — увольнение, заявление в полицию и суд. Ему полезно будет. Пусть разок посидит и подумает.

Заморочился... И всё в день знакомства с девушкой брата.

Не велика потеря, правда. Это уже чёрт знает какая. Когда-нибудь, надеюсь, он опомнится и перестанет тащить знакомить со мной и матерью всех подряд. Натуральный потаскун. Ладно, молодой, двадцати пяти нет, пусть кутит.

Краем глаза ловлю знакомую фигуру на лестнице. Спускается медленно, держится за живот, лицо бледное, губа раз-

бита.

Я так понимаю, он её и в живот ударил?

Арина поднимает с асфальта взгляд и смотрит прямо на меня. Лицо вытягивается, она замедляет шаг за метр.

— А вы чего... тут?

— Ждал, — честно говорю.

— Два часа? — в её глазах удивление.

Сам в шоке.

— Согласен, это было долго.

— Не надо было, — растерянно выдыхает. — И зачем?

— Садись, — киваю на тачку. — До дома подброшу. Как раз расскажешь, что врачи сказали. Обследование сделали?

— Сделали, — кивает, пальцы нервно теребят ремешок сумки. — Нужно сдать анализы завтра с утра. И к гинекологу записаться.

— Отлично, — открываю дверь и поторапливаю её взглядом сесть.

Минус одна проблема — девчонка обходит машину и садится внутрь.

Невольно оглядываю её, до этого времени не было. Сколько ей лет вообще? На вид... девятнадцать, двадцать?

— Так куда? — спрашиваю, когда она устраивается рядом, сидя будто на иголках.

— Секунду, я поищу быстро гостиницы, — тянется за телефоном.

— Домой не хочешь?

Мотаёт головой, прикусывает больную губу — морщится, и тут же отпускает её, видимо забыв, что там ранка.

— Правильно. Небезопасно, хоть и ключи забрала. Родные есть? — опять допытываю её.

— Папа и сестра. Но сестра живёт у него, а ему не хочу показываться в таком виде, — тихо говорит, взгляд прячет в экран.

Самому не по себе от этой раны на губе. Взгляд всё время к ней тянет, будто магнитом.

— Деньги есть хоть? — скольжу по ней взглядом с головы до ног. Одета аккуратно, чистая футболка, джинсы, но кроссовки уже протоптаны. Но обувь же не признак недостатка?

— Прорвёмся, — шепчет себе под нос.

Я чуть опираюсь на руль, слушаю, как тикает поворотник в тишине, и не понимаю, почему не могу бросить её в беде. Красивая, милая, не робкого десятка. Понравилась, что ли? Да жалость всё это, Август. Возьми себя в руки.

— Можешь сегодня перекантоваться у меня, — вдруг выпаливаю, ворчу сам на себя тут же. Не люблю посторонних в своей квартире, не люблю чужих вещей, чужих запахов... но здесь совсем другой случай.

Она отрывает взгляд от телефона, долго смотрит. В глазах — подозрение.

— Спасибо вам за помощь, но... вы же понимаете, что я откажусь?

Её избил парень. Конечно, теперь она всех считает муда-

ками. И меня заодно.

– Я не гребу всех под одну гребёнку, – упрямо хмурится. – Но вас я совершенно не знаю. Вдруг усну у вас дома, а завтра проснусь где-нибудь в подвале?

– А то, что я чиновник, государственный работник, тебя не утешает? – выгибаю бровь, пытаюсь шуткой разрядить ситуацию.

– Ещё хуже, – фыркает. – Дадите бабла кому надо — и поминайте меня лихом.

– Кто-то пересмотрел сериалов про девяностые, – усмехаюсь, пытаюсь глядеть на дорогу.

– Власть в наше время продажная, – отрезает она, поджигая губы.

– По своему парню судишь? – спрашиваю мягко, видя, как её взгляд дёрнулся в сторону.

– Может быть.

Вздыхаю. Она настороже, как уличный котёнок — шипит, но никуда не бежит. Надо аккуратно.

– Ладно, давай так. Я правда хочу помочь. Предлагаю свою квартиру. Она большая, можем даже не пересечься. Для твоего спокойствия... могу отдать тебе свой паспорт.

Она колеблется. Смотрит на меня снизу вверх, щурится, будто пытается разглядеть ложь на лице.

– Было бы неплохо, – наконец выдыхает.

Улыбаюсь краем губ, тянусь к бардачку, достаю паспорт. Замечаю краем глаза телефон: у неё всё это время включена

запись. Перестраховщица. Молчу, не хочу вгонять её в краску. Протягиваю документ — она ловко его перехватывает, листает, фотографирует со всех сторон.

– Пароль на Госуслугах дать? – не удерживаюсь от подко-
ла.

– Не надо, – бурчит и прячет мой паспорт в сумку, будто талисман. Вот же чудачку подобрал... – Теперь можно ехать.

– Тогда везу ко мне, – уточняю, заводя мотор. Она молчит, смотрит в окно, сжимает и разжимает пальцы. Значит, согласна.

История повзрослевшего братца Мая (события этой книги происходят ДО истории Сына)

Его (не) родной сын. Нас больше нет
<https://litnet.com/shrt/zHTH>

Глава 3. Арина

Я сумасшедшая, раз поехала домой к незнакомому человеку. Но мне уже всё равно. К отцу и сестре нельзя, домой тоже, а подруга так и не смогла договориться с комендой.

Гостиница — вариант. Только я недавно заплатила за свою однушку, и денег осталось немного. Занимать потом у кого-то не хочу.

Ага, и вместо того чтобы влезать в долги, еду в одной машине с заместителем министра финансов по округу. Отличный план, просто супер!

– Ты есть хочешь? – спрашивает он, не отрываясь от дороги.

– Не знаю, – касаюсь ладонью живота и вспоминаю слова врача. Сейчас нужно особенно следить за собой. Из-за удара может начаться воспаление, и это потом плохо скажется. Нужно ещё тщательно смотреть за организмом. – Вроде нет.

Мы всё равно останавливаемся у магазина.

– Посидишь в машине или пойдёшь со мной? Надо что-нибудь купить, у меня дома не так много продуктов, – он ставит машину на ручник.

– Посижу тут, отпишусь пока подруге.

– Паспорт мой ей не забудь скинуть, – усмехается и выходит.

Я закусываю губу. А я уже скинула. Но он об этом не узна-

ет.

Пока сижу одна, пальцы дрожат, экран телефона светит прямо в лицо. Пишу хозяйке квартиры, что это последний арендный месяц. Потом я съеду. Чтобы Кирилл не приходил и не вымещал на мне злость. Папе тоже пишу, коротко: «Я в порядке. Не пропала».

Август, чьё имя до сих пор вызывает у меня тихий смешок (ну правда, как в календаре!), возвращается минут через пятнадцать. Закидывает пакет с продуктами на заднее сиденье, всего на секунду смотрит на меня — как будто проверяет, не исчезла ли — и мы стартуем.

А я сама думаю? Почему не сбежала? Да некуда просто.

Через десять минут уже поднимаемся в лифте. Металлическое зеркало показывает меня бледной, глаза узкие, слегка опухшие от утренних слёз. Мне ужасно страшно, но этому мужчине почему-то хочется доверять. Он не выглядит плохим. Спокойный, аккуратный.

Но и Кирилл не был похож на абыюзера...

– Пошли, выберешь комнату, – говорит он так просто, будто мы давно знакомы.

Квартира правда огромная. Скорее пентхаус: два этажа, большие окна, мягкий тёплый свет. В таких местах живут богачи из кино.

Он поднимается со мной на второй этаж и открывает одну из дверей.

– Здесь есть замок, закрывающийся изнутри, – показыва-

ет, как щёлкает язычок. Щёлк — и будто мир чуть спокойнее. Мило, что он это уточнил. — Либо можешь выбрать комнату на первом, но там сплю я.

— Меня устроит здесь, — киваю. Разные этажи — ещё лучше. Может, хоть посплю спокойно, а то сегодня всю ночь рыдала в подушку.

— Располагайся. Душ в конце этажа. Я буду на кухне, приготовлю что-нибудь на ужин.

— Спасибо, — шепчу.

Он уходит первым. Я бросаю на кровать небольшую сумку, с которой собиралась к подруге, и достаю вещи для душа. Самые простые, абсолютно не сексуальные. Хочется быть невидимкой.

Тёплая вода стекает по плечам, смывает уличную пыль и остатки истерики. Потом я стою перед зеркалом и ещё минут десять тупо пялюсь в гематому на животе. Она фиолетовая, как слива. Пальцем трогать страшно.

Хоть бы обошлось... Удар был сильным, но из симптомов, о которых говорил врач, ничего подозрительного нет. Только тянет и ноет.

Так. Всё будет нормально. Обязательно.

Переодеваюсь и, почти заблудившись в этой квартире-лабиринте, нахожу кухню. Август, уже в домашнем костюме, стоит у плиты и что-то мелко режет на доске.

Чтобы хоть как-то отблагодарить его, я становлюсь рядом и помогаю: мою помидоры, подаю специи, мешаю соус. Мы

разговариваем чуть-чуть, осторожно. Он не задаёт лишних вопросов, не произносит имя Кирилла — и за это я ему ужасно благодарна.

Я на полчаса выдыхаю, забывая, в какой заднице была сегодня утром.

Готовим обычную пасту болоньезе. Когда всё готово, садимся за стол. И впервые за долгий день мне становится спокойно. Как будто я пришла в место, где никто не кричит. Где можно просто есть макароны и молчать.

— А у вас не будет проблем с девушкой, если она узнает, что я здесь? — неожиданно спрашиваю.

Для одного человека квартира большая. Да и у такого красавчика вряд ли никого нет.

— А похоже, что здесь живёт кто-то, кроме меня? — он поднимает бровь, оглядывая пустую комнату. Голос его отдаётся эхом.

— Не особо... — ковыряю пасту вилкой. — Но... Вдруг из-за меня ваша личная жизнь может полететь коту под хвост. Не хочу всё испортить.

Особенно ответно на его доброту.

— Она уже давно там, — усмехается он, не глядя, накручивая спагетти на вилку.

— Неудачные отношения? — осторожно заглядываю ему в лицо.

— Нет подходящей пассии. А из-за работы искать времени нет, — пожимает плечами. Интересно, сколько ему лет? На

вид не старый, но точно старше меня. Лет двадцать пять? По уму и речи ему лет сорок, как минимум.

– Найдёте ещё, – улыбаюсь и наматываю пасту на вилку. Вроде и хочется есть, запах тёплый, томатный, а кусок всё равно в горло не лезет. Заставляю себя всё-таки немного поесть, чтобы не позорно клацать зубами.

– Ты тоже, – говорит, будто успокаивая.

– Ой, нет, спасибо, – фыркаю и качаю головой. – Мне пока хватило отношений.

– Как ты в них увязалась? Не видно было с самого начала, что он... ну, ублюдок?

Грубо, но в точку. Я вздрагиваю, но даже благодарна за честность.

– А вы бы могли подумать?

– Нет.

– Вот и я – нет, – вздыхаю. – Он был совершенно нормальным. А потом будто что-то щёлкнуло. Хорошо, что мы были недолго, около полугода. Не строили серьёзных планов.

– И не обзавелись детьми, – кивает он, глотая воду.

– Я хотела, – улыбаюсь сама себе, понимая, какая я мечтательница. – Но не сейчас. Сначала надо доучиться. Потом поработать немного. А теперь ещё и мужчину нормального найти. А вы?

– Что я? Я мужика искать не собираюсь, – хмыкает. А во взгляде озорной огонёк пробегает. А не такой уж он и серьёзный, как кажется...

Я прыскаю и подаюсь вперёд, локтем едва не опрокинув вилку.

– Нет, вы планируете в будущем жениться? Или так и будете холостяком-чиновником?

– Всем хочется семьи, – он на секунду серьёзнее. – Я не исключение. Но у моего младшего брата и то дети раньше появятся. Гуляка ещё тот. Но у него и возраст такой, весёлый.

– Братец Май, – вспоминаю его имя и улыбаюсь.

– Ну перестань смеяться, – впервые морщится он, но без злости. – Мне нравятся наши имена. Есть в них что-то... необычное.

– Мне тоже нравится, – говорю искренне, и это слышно. – Считаю, нужно продолжить семейную традицию и назвать сыновей Сентябрь и Декабрь.

– А потом меня упекут в дурку, – смеётся мужчина. Смех у него красивый, бархатистый, как тёплое одеяло. Я невольно расслабляюсь, и вдруг чувствую, как накатившие за эти дни усталость и тревога чуть-чуть отступают.

– Спасибо вам ещё раз, – вырывается у меня почти шёпотом. – Что помогли мне.

– А тебе за то, что составила компанию в этой мрачной и холодной квартире, – он поднимает бокал с водой, как тост. Мы чокаемся обычной водой.

Мы говорим и говорим; после ужина оказываемся на диване. Слова бегут лёгкими шагами, сворачивают в смешные

истории, возвращаются к серьёзному. Я не замечаю, как начинаю клевать носом: а плечо моего спасителя оказывается ровно там, где надо.

Я прижимаюсь щекой, моргаю – и всё. На секунду закрываю глаза и почему-то подсознательно верю этому мужчине, засыпая рядом.

Глава 4. Арина

Наши дни

После того вечера я и сама не заметила, как мы с Августом сблизились.

Всё пошло совершенно не по плану...

Он помогал мне с больницей, разрешил пожить у него столько, сколько потребуется, пока не сойдут все синяки. Ни разу не тронул, не сделал ничего против моей воли. Был учтивым, заботливым, и это... это заставило меня ему довериться. Влюбиться. Но уже по-настоящему.

Не сразу, конечно.

Недели через две я ловила себя на том, что прячу взгляд и одёргиваю руку при любом его прикосновении — не потому что страшно, а потому что щекотно внутри от новой, пугающе тёплой близости.

Я думала, что уеду — и наши пути разойдутся. Но Пятницкий пошёл дальше, начал устраивать свидания, взял и... пошёл в наступление. У нас ведь был договор: у себя в квартире он ничего мне не сделает.

Стоило мне съехать — этот мужчина пошёл в атаку. А я и не особо защищалась... Чувства вспыхнули у обоих.

Казалось бы, всё идеально. Но даже в этом знакомстве был подвох.

Первый год мы жили друг для друга, ловили кайф от каж-

дого дня.

На второй — захотели детей.

Бог не давал.

Пытались ещё и ещё...

Анализы, обследования, надежды. Попытка забеременеть — и... выкидыш. Осложнения, снова безрезультатные попытки, снова одна полоска на тесте.

Мы решились на ЭКО. Подготовка, гормоны, огромный стресс для организма — и опять неудача.

У меня опускаются руки. Чувствую себя сломанной: ни забеременеть не могу, ни ребёнка выносить не смогла.

Каждый раз ненавижу себя. И его, бывшего, за то, что он сделал со мной. Тогда я всё же не смогла отделаться лишь синяками.

Тяжело вздыхаю и швыряю очередной отрицательный тест в урну. Следующий сделаю только через месяц. И то — уже ни на что не рассчитываю. В горле ком. Хочется плакать.

У меня есть работа, есть любящий муж. И я, кажется, хочу семью ещё сильнее. Я ребёнка хочу. Мамой стать. Я так многого прошу?

– Ариш, завтрак! – зовёт муж через всю гостиную. Как всегда громко, как он умеет, что даже в туалете слышно.

Я встаю, выпрямляюсь, смахиваю вдруг выступившие слёзы. Устала уже плакать. Должна бы привыкнуть, что чуда не случится... но не привыкается.

Вымываю руки, выхожу из туалета и пытаюсь натянуть

улыбку. Не хочу заразить Августа своим испорченным настроением.

Захожу на кухню — и будто попадаю в другой мир. У окна мягкий утренний свет, на плите шкворчит сковорода, пахнет поджаренными яйцами, свежим укропом и сладкими помидорами.

Август стоит у плиты, сосредоточенно выкладывает яичницу на тарелки, ровно раскладывает помидорки и сверху щедро посыпает зеленью. Он так увлечён, что не замечает меня.

Подхожу и обнимаю его со спины. Прижимаюсь крепко-крепко, зажмуриваюсь и на секунду забываюсь. Только этот мужчина помог мне справиться со всем дерьмом, с которым я столкнулась за последние пять лет. Мы столько всего пережили — и я ему за многое благодарна. До боли в груди.

– М-м-м... это такая благодарность за завтрак? – улыбаётся он, не оборачиваясь. – Я готов готовить каждый день.

– Я тебя за язык не тянула, – улыбаюсь в ответ, нехотя отлипаю и шмыгаю под мышку, чтобы заглянуть на тарелки. – Как же вкусно выглядит!

– Садись уже, ешь, – кивает на стол. – А то опоздаешь.

– Не опоздаю, – плюхаюсь на стул и с нетерпением потираю ладони. – У меня есть личный водитель.

– Есть, – коротко кивает, скользя по мне тёплым взглядом и ставя передо мной тарелку. – Ещё и работает бесплатно.

Я смеюсь — легко, по-настоящему. От тепла кружится го-

лова, и на миг становится не так страшно. Может, чудеса и не случаются по расписанию. Но одно чудо со мной произошло. Это мой муж.

— А у него вторая работа есть. На семью хватает.

— Так-то я министр, а такси — так, для души, — шутит он. Его тёплый смех как лампа — разгоняет сумрак внутри. Но стоит на секунду отвлечься, и я снова проваливаюсь в свои мысли.

А если... взять ребёнка из детского дома?

— Ты опять делала выручку фармацевтам? — вдруг спрашивает Август.

— Ты о чём?

— Опять накупила тестов и теперь делаешь их каждую неделю?

Неловко чешу висок. Как узнал?

— Я же со своей карты покупала. Откуда знаешь?

— По твоему лицу легко догадаться. Слишком грустное.

— Ну, пора бы уже привыкнуть, — бурчу, уткнувшись в тарелку.

— Арин, — он накрывает мою ладонь своей. Тёплой, уверенной. Во мне всё сжимается. Я вскидываю взгляд и замираю, боясь услышать ту самую фразу. «Я тебя бросаю».

Я знаю, как сильно Август хочет семьи. До меня он ни с кем толком и не сходил: работа-работа-работа. А со мной как будто выдохнул, зажил. Я видела, как он светился, будто у него внутри зажгли гирлянды. Он стал брать выходные,

уходить вовремя, а не ночевать в офисе, как прежде.

— Давай пока успокоимся? — мягко говорит он.

— Я спокойна.

— Я не про это. Давай пока перестанем хвататься за ребёнка, а?

Я замираю. От него я ждала чего угодно, только не этого.

— Нужно передохнуть, — он осторожно сжимает мою ладонь. — Наши организмы, особенно твой, живут в стрессе. Им нужен отдых. Мозгам тоже. Отпустить эту мысль, жить как живётся. Чем больше ждёшь, тем сильнее разочарование, так ведь? А так — отдохнём, забудемся, и, может, всё само получится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.